

У Хэн, поставив одну ногу на стартовую тумбу, наклонился и поманил пальцем Се Юэняня:

— Хватит болтать чепуху, потом поднимайся смотреть видео — посмотрим, что ты там наплавал.

Вторая группа соревновалась в плавании на спине. Мышонок и Ван Хайтао состязались в стометровке на спине. Плавание на спине у У Хуая было относительно слабым местом, он просто сопровождал наследного принца в учёбе. Проплыв круг, он закономерно оказался последним, отстав от Ван Хайтао почти на две секунды. Однако такой результат на провинциальных соревнованиях всё же мог бы с трудом пробиться в финал. У У Хуая действительно не было явных слабых мест; даже его самый неудачный стиль — плавание на спине — на самом деле был вполне неплох.

Затем все попробовали силы в других дисциплинах. Из-за разницы в возрасте У Хуай и Се Юэнянь постоянно оказывались в конце. Все прекрасно понимали реальное положение дел, никто не зазнавался из-за побед, и не было тех, кто бы покраснел от злости после поражения. В общем, атмосфера была неожиданно хорошей.

Поэтому, когда Цянь Цзялэ вернулся, он увидел, как его подопечные и кучка малолеток братаются друг с другом. Картина была такой, словно в дом пришёл чужой ребёнок, а его собственный непутевый сын угощает его выдержанным дорогим вином, которое достают только по праздникам.

Тоска.

Увидев, что толстая нога наконец-то вернулся, У Хэн тут же подбежал к нему, чтобы наладить контакт. Цянь Цзялэ поддерживал разговор с ним, поговорили о толстяке Тане, а взгляд тренера упал на лицо Чжань Яня.

Такая гармония между двумя командами возникла благодаря Чжань Яню. Его возраст и мастерство обеспечили ему авторитет в своей команде, не уступающий авторитету тренера. Более того, поскольку он сам был спортсменом и с ним было проще найти общий язык, команда фактически охотнее прислушивалась к словам Чжань Яня. Поэтому отношение Чжань Яня определяло атмосферу в команде: с кем он был готов сблизиться, того принимала и вся команда; если у него вдруг портилось настроение, атмосфера в команде тоже становилась напряжённой.

Тот факт, что один спортсмен полностью контролировал атмосферу в команде, вызывал у тренера некоторую досаду. Однако Чжань Янь был слишком выдающимся: не говоря уже о хороших результатах, у него был хороший характер, позитивный настрой, он был полон терпимости, не зазнавался из-за всеобщей любви и не вел себя высокомерно. Это вызывало естественное доверие к нему как к лидеру, и большинство его решений получало поддержку.

И, как доказала практика, Чжань Янь очень хорошо заботился о своих младших товарищах по команде.

Похоже, Чжань Янь действительно симпатизировал этим людям, пришедшим пожить в кондиционером.

Цянь Цзялэ не был типом горячего сердца и широкой души, но и не был склонен думать о плохом. Раз уж все хорошо сошлись характерами, значит, все были довольны.

Вечером У Хэн за счёт команды пригласил Цянь Цзялэ, Чжань Яня и остальных на ужин.

Деньги были из призовых за последние соревнования — все взяли первые места, премии были немалые. Часть он раздал, часть оставил — как раз для таких случаев.

Позже У Хуай, посмотрев блокнот тренера У, узнал, что там была скрупулёзная бухгалтерия: расходы значительно превышали доходы. Несложно было догадаться, что недостающую сумму тренер У покрывал из своего кармана.

Ужин проходил в обычном ресторане, но ели морепродукты. Помимо того, что в прибрежных городах морепродукты относительно дешёвые, это было ещё и для того, чтобы дать У Хуаю попробовать заморскую экзотику.

Жареные моллюски, каша с морским ушком, креветки в остром соусе с солью, гребешки на пару с чесночной пастой, ассорти из морепродуктов, а ещё отварная курица по-белому и жареный гусь, плюс овощи. Двое младших ели, расплываясь в улыбке, старшие тоже ели с удовольствием.

Два тренера выпили немного, заговорили о текущем состоянии дел в национальном спорте, перебрасывались фразами, и у обоих лица покраснели от алкоголя.

Чжань Янь тоже выпил немного белого вина. Хотя он был несовершеннолетним, на самом деле особых строгостей не было — парень ростом под метр девяносто, на вечеринке сделать пару глотков вполне нормально.

К концу ужина в глазах Чжань Яня уже читалось некоторое опьянение. Обняв одной рукой Мышонка за шею, а другой — У Хуая, он рассказывал забавные истории из жизни команды пловцов. Аромат вина долетал до ноздрей У Хуая, у того слегка закружилась голова, ему казалось, будто и он сам выпил полный бокал.

У Хэн был молод, ему ещё не было тридцати, возраст, когда любят повеселиться. Сидя каждый день в провинциальной школе плавания, присматривая за оравой малолеток, не провинился ли кто, он просто задыхался от скуки. Сегодня, улучив момент, он уговорил Цянь Цзялэ пойти в ближайший караоке-клуб, и команда, естественно, последовала за ними.

Заходя в комнату, У Хэн сказал:

— Каждому по одной бутылке пива, главное — пение.

Се Юэнянь жаждал продемонстрировать свой вокальный талант, но голос, ещё не полностью прошедший мутацию, был весьма посредственным. Зато у У Хуая мутация уже завершилась, и он пел вполне сносно. Пение Чжань Яня тоже было неплохим, голос обычный, но все ноты попадали в такт. Мышонок сначала наотрез отказывался петь, потом ухватился за микрофон и стал заправлять всем, но его голос, мягко говоря, не вызывал восторга. Сестра Ецзы тоже была завзятой певицей, но пела она хорошо. Сестра Тао спела дуэтом с Чжань Янем и больше не пела. У Хэн и Цянь Цзялэ использовали время, чтобы выпить ещё по паре бокалов.

Обошли всех, но один остался неупомянутым — Ван Хайтао. Прозвище, которое дал ему Се Юэнянь, было точным — роковая красота.

Ван Хайтао заказал английскую песню, взял микрофон и встал перед экраном. В тусклом свете его расслабленная поза излучала невыразимую сексуальность.

Как только он запел, в караоке-комнате на мгновение воцарилась тишина.

Низкий, сексуальный, бархатный голос, эмоции, которые, казалось, вот-вот перельются через край песни. Не было высоких нот, вся песня была плавной и мелодичной. Даже не понимая слов, можно было услышать в пении готовую вырваться наружу страсть.

У Хэн, пивший в этот момент, поставил бокал и с удивлением посмотрел на него. Тусклый, неясный свет в комнате смягчил черты лица Ван Хайтао, его глубокий, выразительный профиль создавал резкий силуэт, прямой нос, длинные густые ресницы, в которых играл свет — всё это было необычайно очаровательно.

Однако у У Хэна ёкнуло сердце. Он посмотрел на двух присутствующих в комнате девушек и, как и ожидал, увидел в их глазах сияющие звёзды.

Чёрт! Всё-таки началось!

У Хэну стало до тошноты досадно.

Когда песня закончилась, Ван Хайтао положил микрофон и, обернувшись, улыбнулся лёгкой, едва заметной улыбкой, от которой просто сердце замирало.

— Bravo! Bravo! — У Хуай громко зааплодировал, и только после нескольких его хлопков к нему присоединились остальные.

Атмосфера в комнате стала немного странной. У девушек в глазах сияли звёзды, у Чжань Яня и Мышонка — странный, непонятный взгляд, Се Юэнянь закатил огромные глаза, и только У Хуай ничего не замечал.

— Ты прекрасно поёшь, спой ещё что-нибудь, — сказал У Хуай.

Ван Хайтао покачал головой, бросил микрофон Мышонку и вернулся на своё место.

Мышонок, держа микрофон, хотел что-то сказать, но в итоге произнёс:

— Неплохо спел, специально тренировался?

Ван Хайтао улыбнулся, кивнул, затем взял кусочек арбуза и вышел из комнаты. Едва он скрылся за дверью, как У Хэн поставил бокал и, встав, вышел следом. Никто не придавал этому значения, но они не знали, что в тот день в коридоре караоке-клуба эти двое провели глубокую беседу и в итоге заключили джентльменское соглашение.

После ухода Ван Хайтао между У Хуаем и Чжань Янем больше никого не было. Сестра Ецзы и сестра Тао о чём-то перешёптывались, Се Юэнянь крутился рядом, стараясь угодить, Мышонок пел, словно в трансе, тренер Цянь уткнулся в телефон — у всех на какое-то время появились свои дела.

Тогда У Хуай, подумав, взял свой бокал и придвинулся поближе к Чжань Яню:

— Брат Чжань, хочу выпить за тебя.

Чжань Янь удивился:

— За что меня пить? Не надо так церемониться, мне неловко, — но, сказав это, он всё же взял бокал, чокнулся с бокалом У Хуая и улыбнулся. — Я тоже выпью за тебя.

У Хуай на мгновение замер, затем рассмеялся, поняв, что их отношения теперь иные, и

беспечно пить заздравные тосты уже нельзя.

— Брат Чжань, ты из Гуандуна? Я слышал от брата Няня, что всех спортсменов в вашей команде набирают со стороны.

— Я из Чжэцзяна.

— О-о!?! Сильная провинция в плавании, как же ты оказался в Гуандуне?

— Я приехал в Гуандун семь лет назад, мне тогда было всего десять. База у меня была хорошая, но результаты не были выдающимися. В Ханчжоу плавание очень популярно, уровень тренеров высокий, но и выдающихся спортсменов ещё больше, — Чжань Янь говорил медленно. Он потягивал вино, жидкость оставляла влажный блеск на его губах, переливаясь странным оттенком. Его тёмные зрачки, словно пронзая пространство, смотрели в одну точку, медленно вспоминая. — Для меня путь сюда был явно более перспективным.

У Хуаю показалось, что атмосфера почему-то стала немного тяжёлой. Он подумал и с улыбкой сказал:

— Поэтому ты так здорово говоришь на кантонском, чувствуется, даже лучше, чем у Се Юэняня.

— Приехал в десять лет — этого достаточно, чтобы выучить местный диалект. А вот когда возвращаюсь в Ханчжоу, я уже с трудом понимаю тамошнюю речь.

По поводу описания фигуры Чжань Яня: хотя у меня и была цель похвастаться телосложением, изначально я хотела описать, как Плохиш любит такую фигуру и сам хочет иметь подобную.

<http://bllate.org/book/15581/1387574>